

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Хоть мы и в гостях, а чувствуем себя, как в родном доме!

К Р О К О Д И Л

№ 12 МОСКВА 30 АПРЕЛЯ 1951

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

ROKÖV

PEACE

МИР

Народы мира понимают друг

Твердый рошерк

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

Сложены у коек гимнастёрки.
Был отбой. В казарме тишина.
Вот уж час скрипит в своей каптёрке
Авторучкой строгий старшина.

С кем душой он в ночь перед парадом?
Чем взволнован? Пишет он кому?
Будущая ГЭС под Сталинградом
Этой ночью видится ему.

Очерк про канал передавая,
Чуть журчит приёмник, как всегда...
Будто бы журчит уже живая
Сказочная волжская вода.
Будто бы шумят моря степные
В шумных и невиданных лесах...
Старшина строчит в часы ночные,
Слушая отчёт о чудесах...

«Дорогие братцы-сталинградцы!
Я земляк ваш,— пишет старшина.—
Мне пришлось с фашистами сражаться
Там, где нынче с засухой война!
В свисте разрывающейся стали,
В блеске осветительных ракет
Мы об этом, братцы, и мечтали:
О великих стройках наших лет,
О земле, отбитой у пустыни,
Влагой напоённой досыт!
О полях с пшеницами густыми...
Вот она — солдатская мечта.
Нам не страшен вой звериный вражий:
С вечера проверены посты.
Мы — солдаты мира. Мы на страже
Той коммунистической мечты.
Ради мира,

будущего ради
С вами вместе, в сомкнутом строю,
Завтра мы на праздничном параде

Мощь продемонстрируем свою.
От лица гвардейцев нашей части,
Всех солдат и лично своего
Заверю: стройте наше счастье,
Защитить сумеем мы его!
И мечты и думы наши слиты...»
А наутро — сердце так велит —
Старшина явился к замполиту,
Чтоб письмо одобрил замполит.
Замполит прочёл. — Я одобряю,—
Он сказал,— позвольте под письмом
Сделать: мне приписку.
Сел и с краю
Написал:

«Я подпись заверяю
И ещё вас заверяю в том,
Что недаром в армии растили
Мы народа верных сыновей,—
Старшина Калашников Василий
Зря не ставит подписи своей!
Никогда, к примеру, не забудем
На одной из сталинградских стен
Надпись: «Здесь стоять мы насмерть будем!»
Старшина Калашников В. Н.»

И под этой надписью и датой
Штабелем — фашистские тела...
Русской пулей, русскою гранатой
Подпись та заверена была.
И фашисты милости просили,
Руки поднимая из траншей.
Старшина Калашников Василий
Зря не ставит подписи своей!

Он сегодня гордость части нашей,
Он в вопросах дисциплины крут.
Всё же за глаза его «папашей»
Все солдаты ласково зовут.
Это хоть не воинское звание,
Но зато душевное вполне.
Подписать Стокгольмское воззвание
Первым предложили старшине.
Как штыком, поставив росчерк с силой,
Он сказал о мире без затей:
— Старшина Калашников Василий
Зря не ставит подписи своей!

* * *

Это — всё.

Но далеко от дома
Видели мы: есть ещё стена,
Где когда-то росчерком знакомым
Русский расписался старшина.
На стенах рейхстага закопчённых
До сих пор все надписи видны.
Там же белым выведен по чёрному
Памятный «автограф» старшины:
«Как всегда, мы платим полной мерой
Всё, что поджигателям «должны»,
И моя тут подпись для примера
Будущим зачинщикам войны.

Мы своим займёмся мирным делом,
Но врагов запомнить я прошу:
Если тронут,—

чёрным я по белому
Им на стенах так же напишу!..»

Заверяем: эта надпись в-силе
Для врагов всех красок и мастей.
Старшина Калашников Василий
Зря не ставит подписи своей!

— Говорит Крокодил! Товарищи, начинаю первомайскую радиопередачу со своим собратом по перу кисти. Многие из вас многих из нас никогда не видали. Тем лучше. Сейчас познакомьтесь. Прошу любить и жаловать.

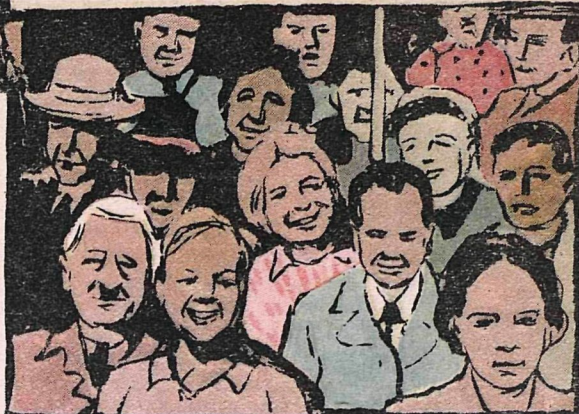
Слово представляется Киву.
(См. стр. 3.)

PAIX

FRIEDEN

MIR

друга с одного слова.

С. ШАТРОВ

КАК ЗАРОЖДАЛСЯ ФЕЛЬЕТОН

— О И, други, не ладно у вас с балансом! — сказал уполномоченный из области. — Прямо скажу, плохо!

— С каким балансом?

— Людским.

Иван Григорьевич, председатель рыболовецкого колхоза «Большевик», глянул на представителя рыбаколхозсоюза так, словно тот свалился с луны:

— Откуда вы это взяли?

— За фактами дело не станет, — сказал уполномоченный, перелистывая крохотную записную книжицу. — Из этих фактиков сидящий здесь товарищ корреспондент сумеет такой фельетон составить, что у вас в глазах зарябит!

— А может, не зарябит?

— Вы, я вижу, Иван Григорьевич, весёлый человек. Шутить любите!

— А почему бы и не пошутить? Рыба идёт хорошо. План лова выполняем. Чувствуем себя неплохо.

— Так, так... Благодарствуете? Почили на лаврах?

— Товарищ уполномоченный, ты уж нас не томи. Выкладывай напрямик!

— Хорошо. Почему не выехали в море на лов все колхозники?

— Все до единого! — улыбнулся председатель.

— Вот вам, товарищ корреспондент, материал для фельетона: десятки колхозников в разгар весенней путины отсиживаются по домам, а уважаемый председатель колхоза даже об этом не знает. Великолепно!

— Стало быть, председатель не знает, а вы знаете?

— Факт! Почему не ловит рыбу колхозник Иван Митрохин?

— Иван Митрохин? — снова улыбнулся председатель. — Ваня из села выехал.

— Григорий Пузанков?

— В отлучке.

— Афанасий Корзун?

— Тоже.

— Читать ещё? Или хватит?

— Хватит! — сказал капитан сейнера, тяжёлый сивобородый старик в брезентовой тужурке.

— А то могу ещё, — помахал книжицей уполномоченный. — Иван и Пётр Тереховы, Аким Сугоняев, Терентий Лобачёв...

— Довольно! Ясно! — пробасил капитан.

— Ты, Василий Фёдорович, не спеши. Видишь, тут фельетон составляется, — весело бросил председатель. — Может быть, корреспонденту не всё ещё ясно!

— Всем ясно! Только тебе, Иван Григорьевич, неясно. А почему? Да потому, что не улавливаешь взаимной связи и взаимной зависимости некоторых явлений. Попросил колхозник отпустить его, ты и рад стараться! А как впоследствии это отразится на путине, не подумал. Ведь не подумал, сознайся, Иван Григорьевич?

— Подумал, — возразил председатель.

— И накануне путины отпустил колхозников?

— Они давно от нас уехали.

— Доброе утро! — поклонился уполномоченный. — Не в лоб, так по лбу. Вчера ли, сегодня ли — это ничего не меняет. Людей-то нет!

— В отходе они.

— Ага, понимаю! — сказал уполномоченный. — Ушли, бедняги, на отхожий промысел. Надели кожаные порты, посконные рубахи, лаптишки... топоры — за пояс и вон из деревни? Дескать, кобыла околела, бедность одолела. Так, что ли?

— Когда-то бывало и так.

— Вы мне про Николая II, самодержца, не рассказывайте! Без вас знаем. И баснями не кормите!

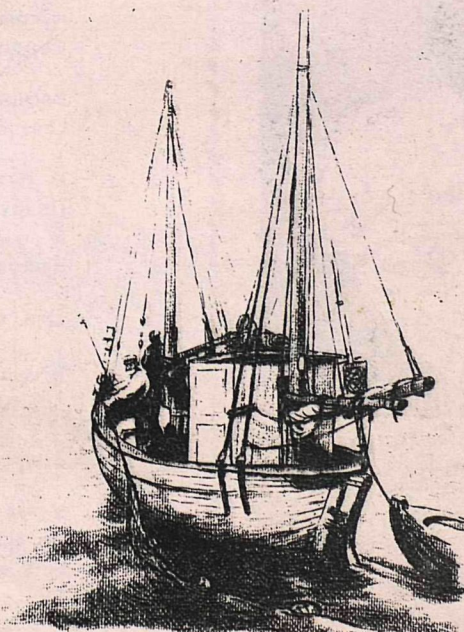
— Верно, соловья баснями не кормят, — заметил капитан.

— Я не соловей, товарищи. И дело тут не в пернатых, а в летунах!

— Вы того... не зарывайтесь. У нас нет летунов, — хмуро сказал капитан.

— Вот чудак человек, объяснили же тебе, что тут фельетон составляется! А ты мешаешь! — сказал председатель.

— А ты всё шутишь, Иван Григорьевич. Смотри, поставлю вопрос на бюро райкома, и там тебе, несмотря на все заслуги, запишут такое, что не возра-

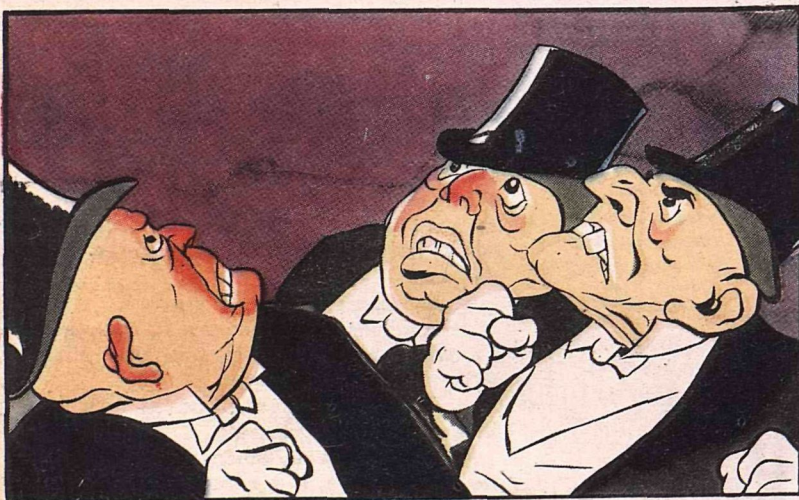
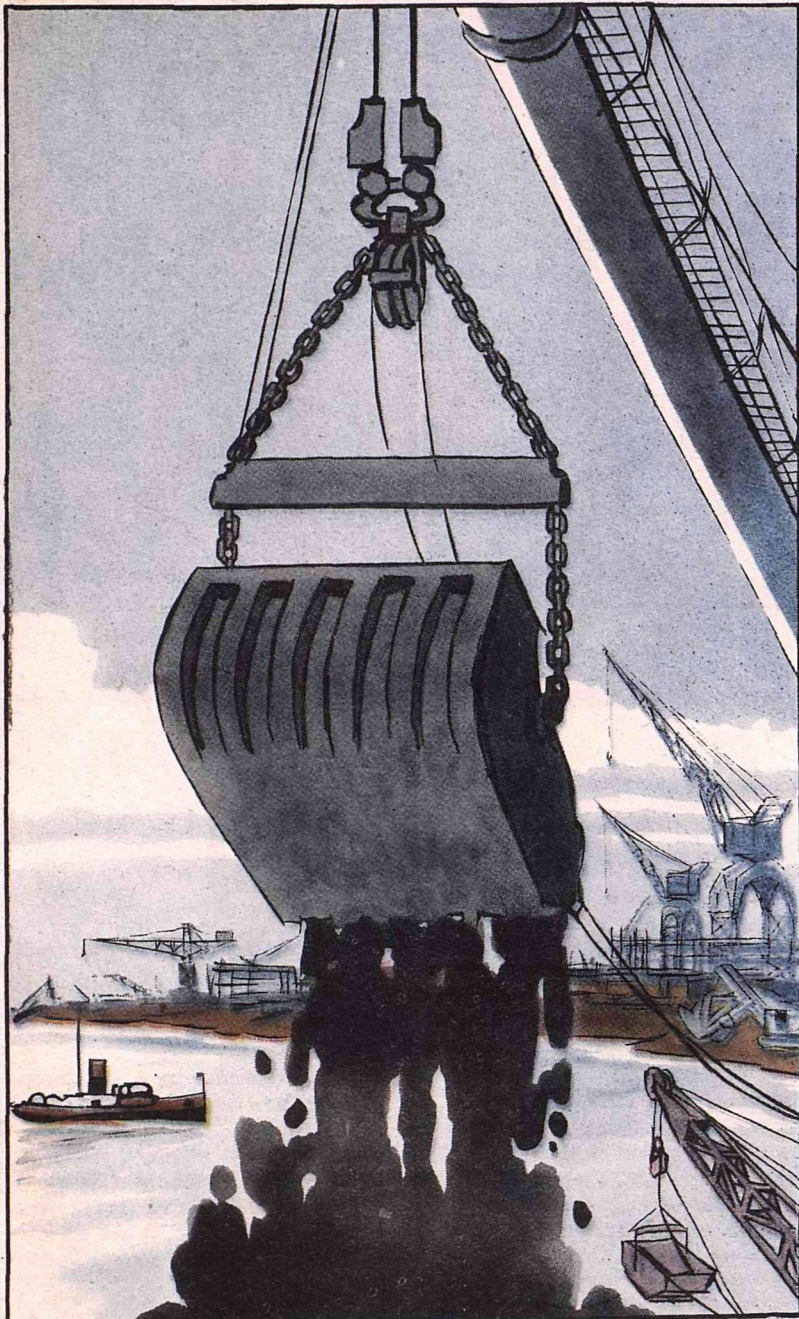
(Окончание см. на стр. 4)

У МИКРОФОНА
УКРАИНСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ „ПЕРЕЦ“
— От всего
„Перца“ при-
ветствую тех
граждан, кто
ни разу не был
мной припер-
чен. Для дру-
зей и „Перца“
есть большое
сердце.
Передаю сло-
во Тбилиси.
(См. стр. 4.)

НЕКРАСОВ ПО-НОВОМУ

Рис. А. БАЖЕНОВА

**«Выдь на Волгу: чей стон раздаётся...».—
Так писал в дни былые поэт.
Эта песня в сердцах остаётся,
Как свидетель безрадостных лет.**

**В наше время и злобный и долгий
Слышен стон не на русской реке.
Поджигателей там вдалеке
В дрожь бросают плотины на Волге.**

дуешься! Ты думаешь, что если колхоз выполнил план зимнего лова, — значит, председатель — герой? Портреты с него писать будут? Нет, с портретами придётся повременить! Вы план выполнили, а его можно было перевыполнить, будь налицо все люди.

Председатель поднялся с места и спросил:

— Говорить о каждом персонально или как?

— Персонально! — уполномоченный заглянул в книжицу. — Начнём хотя бы с Ивана Митрохина.

— Иван Митрохин, Григорий Пузанков и Афанасий Корзун учатся на судовых механиков.

— Гм... Ясно. Дальше. Иван и Пётр Тереховы?

— Шагают на шагающих, — сказал капитан.

— Как это понимать?

— На шагающих экскаваторах работают. Гидростанцию строят.

— Понятно. Дальше.

— Пойдите. А скажите: числить их на балансе или не числить? По-нашему, числить, потому как нет для колхоза более кровного дела, чем стройка коммунизма!

— Числить! — пробормотал уполномоченный. — Аким Сугоняев?

— Он медик. Отходник-профессор.

— Он давно потерял с вами связь.

— Зачем ему терять? Аким Митрофанович к нам каждую неделю приезжает. Он у нас над родильным домом шефствует. По выходным самолично приём ведёт. Образцовое, доложу вам, заведение! К слову сказать: ежели ваша супруга окажется, извините, в интересном положении, — милости просим...

— Можно не продолжать, — сказал уполномоченный.

— Нет, зачем же? Продолжить нужно, — отозвался капитан.

— Возьмём такую фигуру, как Терентий Лобачёв, — не спеша, с явным удовольствием продолжал председатель. — Тоже наш человек. Герой Советского Союза. Пограничник. Как прикажете его считать: колхозником или неколхозником? Потерял он с нами связь или не потерял? Я так думаю: связь у нас нерушимая! И отзываться его с границы не будем!

— Золотые слова! — сказал капитан.

— Так что же, товарищ уполномоченный, обнажаетесь? Перехлестнули вы малость! Списочек у бухгалтера взяли, фамилии колхозников в книжицу переписали, а в корень, в эту самую взаимосвязь, не заглянули! Вот тебе и фельетон!

Посланец из области старался не глядеть ни на председателя, ни на корреспондента. Он смотрел в окно на лёгкие рыбацкие судёнышки, бороздившие реку, на лиловую тучу, закрывавшую полнеба, и смущённо улыбался.

Р. АМУСИНА

ВЕСНА

Солнце светит не в бровь, а в глаз,
Под метлою лужи запели,
В сосульке под крышей звезда зажглась
И на землю скатилась в капли.

И солнце и небо себе забрав,
Сердце хозяйничает —
по весенней причине.

Весною у сердца больше прав,
Оно как будто повышено в чине.

И я сегодня иду по весне,
По ручьям ступая гордо,
И думаю: нынче ведь именно мне
Благодарны жители города.

Для вас, дорогие,
я рада стараться:
В туфлях через лужи сухим не пройдёшь!
Бригада моя, при заданье
сто двадцать,
Выпускает по триста пар галош!

У нас галоши фасонов разных,
На всякие случаи припасены.
Есть и такие, в которые сразу
Сядет любой поджигатель войны!

Ленинград.

У МИКРОФОНА
ГРУЗИНСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ „НИАНГИ“
(ПРОЛОДИ)

— Я поднимаю свой тост за тех, кто с нами! Пусть жизнь их будет обильной, как грузинские урожаи, сладкой, как грузинские фрукты, яркой, как грузинское солнце. И пусть кто-нибудь рискнёт теперь сказать, что я уделяю мало места полужительным героям!

Передаю слово Минску.
(См. стр. 6.)

ЛИРИКО-АТЛАНТИЧЕСКАЯ СЦЕНА
У ФОНТАНА

ПОСТАНОВКА УОЛЛ-СТРИТА

ЮГ
51

Кукла

(СЦЕНКА)

ВАГОНЫ пригородного поезда Москва — Кашира полны солнца и празднично настроенных пассажиров. Лучшие места — с правой стороны, у открытых окон. За ними океан воздуха, нежнозелёные лужайки, прозрачные леса, пашни, пёстрые косынки девушек... Весна!

У одного из окон сидит женщина с большой белой коробкой на коленях и улыбается. Изредка она вопросительно поглядывает на соседей: неужели им неинтересно узнать, чем это она так довольна? Но соседям не до неё. У них у самих полны руки, и они развешивают сетки с покупками по стенкам вагона, а чемоданы и корзинки громоздят под потолком, на багажную полку.

Женщина тоже два раза вставала с места, пристраивала свою коробку по соседству с чужим чемоданом, но через минуту хлопотливо снимала её обратно.

Красивый старик, сидящий напротив, говорит наставительно:

— Если бутылки, — не советую класть на полку. Слетят, и поминай, как звали! Да ещё и нас по головам...

— Бутылки в таких коробках не бывают, — авторитетно замечает очень молодой человек с усиками и гладко зачёсанными волосами. — Я своему тестю купил в подарок набор ликёров в коробке. Она совсем другого формата. Могу показать.

Молодой человек, наверно, только на днях женился, потому что с особенным удовольствием и громко произносит «моему тестю».

Женщина, боясь, что разговор перейдёт на другую, совсем неинтересную для неё тему, поспешно объясняет:

— Нет, какие там бутылки! Она открывает коробку.

В ней большая кукла с пепельными локонами, в сиреневом шёлковом платье. У неё толстые розовые щёки, маленький нос и большие голубые глаза.

— Вот это я понимаю! — говорит старик.

Все пассажиры — и те, что сидят рядом, и те, кто стоит в проходе, — тоже интересуются и заглядывают в коробку.

— До чего она похожа на мою жену, просто удивительно! — радуется молодой человек, и теперь уже всем ясно, что он не только на днях женился, но что, кроме того, он невероятно счастлив и немножко навеселе.

— Она открывает и закрывает глаза, — с увлечением показывает женщина, — а если нажать кнопку сзади... слышите?

Кнопка нажата, и кукла произносит на чистейшем кошачьем языке: «Мя-я-я!»

— Это брак, — говорит старик. — Она должна говорить «ма-ма». Сколько же вы за неё дали?

— Сто сорок рублей восемьдесят три копейки, — с достоинством отвечает женщина и думает: «Сейчас он скажет: дорого-то! Или: деньги вам некуда девать! — что-нибудь ворчливое, стариковское».

Но вместо этого красивый старик говорит:

— Правильно. Если дарить на Первое мая, так уж выгадывать нечего. Дочке?

— Ну, что вы! Я бабушка. Это внучке.

— Бабушка? — удивляется старик и, сконфузив женщину, пристально разглядывает её. — Такая молодая бабушка? Скажите, пожалуйста! Вот что значит нормальный образ жизни! За что мы, врачи, и ратуем.

Разговор сразу принимает приятное направление. Гражданка в чёрной шляпе и в очках («учительница», — мысленно определила женщина с куклой) закрывает книгу и просит:

— Позвольте-ка мне её...

мы — это вы не правы, — обращается он к старику. — Это мы ещё не освоили. А кнопку надо нажимать с силой! Нуте-ка?

Женщина испуганно отодвигает коробку с куклой. Пассажиры, стоящие в проходе, с удовольствием вступают в разговор. Пожилая грузная женщина обращается к франтоватому соседу:

— Ах, Сергей Борисыч, а я вас и не заметила! Куклой любуетесь? Вот бы вашей дочке такую!

Сергей Борисович в клетчатой кепочке мямлит что-то неопределённое и, постояв с минуту, начинает протискиваться к площадке.

— Не понравилось! — совсем уже другим, строгим голосом говорит пожилая женщина. — Очень ему дочка нужна! Третий год живёт на две семьи. В одной дочь растёт, в другой сын народился, а он уже в третью сторону норовит.

Пассажиры молча и неодобрительно провожают взглядом юркого Сергея Борисовича. Пожилая женщина продолжает во всеулышанье:

— Я лично заведующая детским садом. Для меня ребята — это вся моя жизнь! Но будь я юристом, даю вам честное слово, я бы таких молодчиков ох как приструнила бы!

— Приструняй! — обнадёживает кто-то.

Молодая нарядная пассажирка брезгливо пожимает плечом:

— В такой большой праздник даже не хочется говорить о подобных типах.

— Совершенно верно, — подтверждает молодой капитан, не вступавший в разговор.

Лица пассажиров становятся строгими. Все с уважением смотрят на молодого капитана. Мальчишка в клетчатой рубашке заглядывает ему в глаза и вздыхает. Наверно, он думает: «Эх, скорей бы уж вырасти!

Непрерывно сам буду офицером...»

— Следующая станция Домодедово!

Женщина с куклой торопливо встает:

— Мне сейчас выходить. До свиданья, товарищи, желаю вам хорошо провести праздники!

— И вам также! — отвечают ей хором.

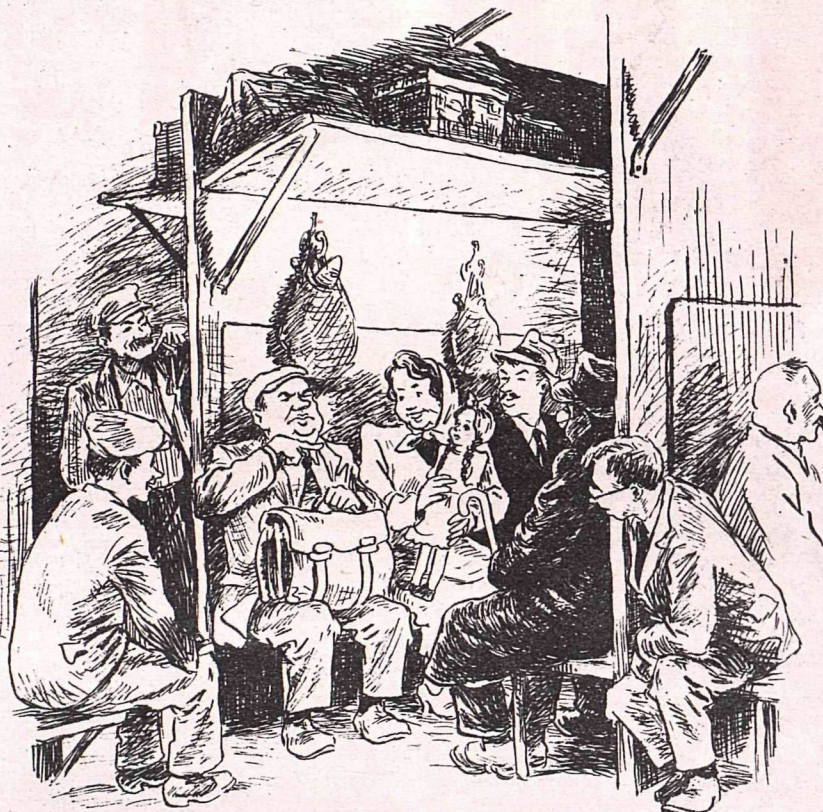
Поезд останавливается. Пассажиры смотрят в окна. На яркозелёном пригорке — маленькая девочка в красном пальтишке. Она подпрыгивает на одном месте от нетерпения. Завидев свою бабушку, она горшком скатывается с пригорка.

Поезд трогается. Станция, празднично украшенная кумачовыми флагами, и маленькая девочка в обнимку с белой коробкой остаются позади.

— Домодедово! — говорит красивый старик. — Это значит, деды дома сидели, за печкой. А теперь нам, старикам, никак не сидится! Я ведь нынче где был, товарищи?... — И, выдержав выразительную паузу, он произносит значительно: — На параде! На Красной площади. Получил пригласительный билет.

— О, вот это праздник! — восклицает заведующая детским садом.

Молодые голоса запевают песню. Кто-то подыгрывает на баяне. Поезд, полный солнца и праздничного веселья, продолжает свой путь.

У МИКРОФОНА БЕЛОРУССКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ВОЖНИ» (ЕМИИ)

— Приношу свои искренние извинения за то, что к празднику не приоделся с иглолочки. Меня, к сожалению, не очень балуют техникой печатания. Но я не теряю надежды, что скоро смогу предстать перед своими читателями в более нарядном виде.

Передаю слово Софии. (См. стр. 7.)

БИЗНЕСМЕНЫ КОНСУЛЬТИРУЮТСЯ..

В МЕСТИТЕЛЬНЫЙ зал фешенебельного отеля «Астор» в Нью-Йорке переполнен. Сюда собрались пятьсот крупнейших промышленников и предпринимателей страны. Их вынудили сделать это чрезвычайные обстоятельства. Забастовка горняков, железнодорожников, текстильщиков... Требование коллективных договоров, повышения заработной платы... На носу 1 Мая с его лозунгами, митингами и демонстрациями!.. Есть от чего потерять сон и покой!

Вот почему собрались бизнесмены. На повестке дня, как сообщила газета «Дейли компас», стоял вопрос: «О борьбе с коммунизмом и саботажем в промышленности».

Собравшиеся с горечью установили, что в борьбе с рабочим движением они кустарно и неумело используют те поистине богатейшие возможности, которые заботливо предоставляет им правительство своими антипрофсоюзными и антикоммунистическими законами и профсоюзные лидеры своим откровенным предательством.

В качестве основного эксперта на совещание был приглашен подполковник Моран, представитель главного управления военной полиции. На него с надеждой и верой устремились взоры собравшихся. И подполковник не обманул общего доверия: четкость сформулированных им предложений свидетельствовала о многолетнем полицейском опыте Морана в подавлении стачек и забастовок.

«Первое, — сказал эксперт, согнув палец, — снабдить охрану всех предприятий слезоточивыми гранатами.

Второе: подвергать допросу всех лиц, покупающих или распространяющих коммунистическую литературу.

Третье: у всех рабочих собирать отпечатки пальцев.

Четвёртое: обнести все предприятия двойными рядами колючей проволоки, одно прикосновение к которой включает сигнал тревоги.

Пятое, — воскликнул подполковник, сжав кулак, — на территории предприятий соорудить стальные башни! Вооружённую охрану в башнях менять каждые два часа.

Шестое, — Моран опустил кулак на стол, — создать на каждом предприятии группу осведомителей, сообщающих дирекции обо всём, что делается на заводе».

Деловые советы полицейского эксперта были встречены шумным одобрением всего зала.

Второй эксперт, Рисел, был сотрудником херстовской газеты «Дейли миррор». Но главные доходы шли в его карман от работы по совместительству. По отзывам «работодателей», Рисел давно, охотно и успешно выполняет функции «глаз и ушей» промышленников на предприятиях.

Зал прислушивался к каждому слову этого знатока в своей области. Рисел поделился с собравшимися добытыми им сведениями о «накапливающейся ненависти и недовольстве» среди рабочих, а также предупредил, что в Детройте они готовятся к упорной борьбе за повышение заработной платы на 25 процентов.

Увольнять рабочих-активистов, так как от них все беды, все неприятности, советовал Рисел; расширять и укреплять связи предприятий с полицией, рекомендовал он, ибо «в Нью-Йорке это уже дало прекрасные результаты».

С места был задан вопрос: как бы похитрее замаскировать истинные причины увольнения недовольных и активистов, дабы не бросать тень на американскую демократию?

Услышав этот вопрос, мистер Дэнхем, третий эксперт, не мог скрыть снисходительной улыбки: эти ворочающие миллиардами, но недалёкие люди поразили его своей наивностью. Отличившийся на проведении в жизнь закона Тафта — Хартли, бывший руководитель управления по трудовым отношениям Дэнхем поделился своим опытом.

«Джентльмены, — с укоризной говорил он, — джентльмены! Но неужели вам до сих пор не ясно, что при нашей политической системе можно увольнять с работы любого человека только за то, что он носит красный галстук?!»

Эти красноречивые слова были покрыты одобрительным гулом. Не называйте увольняемых коммунистами, когда имеются такие обтекаемые формулировки, как «нежелательный элемент» и «под-ривной субъект», поучал Дэнхем.

Совещание проходило плодотворно. Присутствующих смущало лишь одно: отсутствие иностранных специалистов по борьбе с рабочим движением. Явное недомыслие и нераспорядительность руководителей Национальной ассоциации промышленников, созвавших совещание, проявились в том, что они не пригласили таких, например, опытных мастеров своего дела, как гитлеровские нацисты. Почему? Ведь кадры их бережно опекаются Маккломом в Западной Германии.

Недоумение присутствующих рассеял всё тот же подполковник Моран.

«Вы будете рады узнать, джентльмены, — заявил он, — что я предложил именно то, что в своё время делали нацисты!»

Лаконичный и эффектный, как взмах резиновой дубинки, ответ успокоил сомневающихся, и подполковник был награждён бурными аплодисментами.

На этом официальная часть совещания закончилась. Разбившись на группы, бизнесмены делились впечатлениями и поочерёдно брали у экспертов добавочные консультации. В зале раздавался лающий бас полицейского Морана, визгливые выкрики совместителя Рисела, снисходительный отеческий смешок многоопытного Дэнхема.

Но всё же червь сомнения в успехе намеченной программы действий точил участников совещания. В самом деле, разве можно заковать в стальную броню растущее самосознание рабочих? Разве можно приглушить негодование масс слезоточивыми газами? Разве могут двойные ряды колючей проволоки задержать победное шествие идеи борьбы за мир?

В. КРУГЛОВ

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Рис. Е. ЦЕГЛОВА

Запорожец за Дунаем.

У МИКРОФОНА
БОЛГАРСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
«СТЪРШЕН»
(ШЕРШЕНЬ)

— Я очень
молод. Мне не-
давно минуло
всего лишь
пять лет. Од-
нако я беру на
себя смелость
сказать: хоть
мало прожило,
но много пере-
ждало!
Передаю сло-
во Варшаве.
(См. стр. 8.)

У МИКРОФОНА
ПОЛЬСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
«ШПИЛЬКИ»
(БУЛАВКИ)
— Однажды
пана Миколай-
чика спросили:
«Как вы отно-
ситесь к поль-
ским булав-
кам?» Не заду-
мываясь, он
ответил: «Пред-
почитаю ан-
глийские!» Оно
и понятно: ан-
глийские бу-
лавки помогли
Миколайчику
скрепить себя
с американски-
ми долларами.
Булавки же
польские приш-
пилили Мико-
лайчика и его
банду к позор-
ному столбу.
Передаю сло-
во Праге.
(См. стр. 9.)

Старые поэты в своих стихах называли славу жар-птицей.

Тем самым поэты прозрачно намекали на то, что, дескать, славу не так-то уж легко схватить за хвост. Жар-птица была весьма хитрым созданием, и редко когда удача сопутствовала птицеводам-любителям. В наше время и в нашей стране положение резко изменилось. Жар-птицу вообще не надо ловить. Надо только хорошо, по-стахановски, с душой, с огоньком работать в своей отрасли — и жар-птица сама спустится к тебе на плечо и озарит твоё лицо чудесным сиянием.

Для того чтобы прославиться, советскому гражданину вовсе не нужно, как, скажем, американскому, становиться знаменитым бандитом, не надо сидеть на пари на телеграфном столбе тридцать часов подряд, не надо пожирать шесть тортов сразу, не надо жениться на полоумной уродине — дочке миллиардера, от которой отказались самые храбрые и самые жадные женихи.

У нас славу, признание и любовь народа приносит только доблестный труд во имя Родины, во имя торжества коммунизма.

На этом рисунке художник Крокодила И. Семёнов изобразил знатных советских граждан, на плечи которых жар-птица народной славы опустилась в 1951 году.

Давайте, читатель, вместе посмотрим этот рисунок. Начнём с первого ряда, как полагается, слева направо.

Художник поместил рядом учёного и поэта: товарищей М. А. Усевича и А. С. Малышко. Первому Сталинская премия присуждена за работу о функциональном состоя-

нии мозговой коры и о внутренних системах организма, в которой учёный трагует свою сложную тему с жаром подлинного поэта; второму — за цикл стихов «За синим морем», в котором поэт разоблачает буржуазную действительность с пафосом настоящего учёного-марксиста. Дальше идёт старый писатель-беллетрист Фёдор Гладков, автор «Цемент». Сталинская премия присуждена ему за новую повесть «Вольница». В этой прекрасной, пахнущей волжскими ветрами повести Фёдор Гладков так молод, что его известные читателям белые, как снег, кудри кажутся на рисунке досадным недоразумением.

Плечом к плечу с Фёдором Гладковым стоит академик Д. В. Скобелев со своими соратниками Н. А. Добротиним и Г. Т. Зацепиным. Эта могучая троица, двигая вперед советскую физику, добралась до космических лучей. Сталинская премия присуждена им за открытие и изучение электронно-ядерных ливней и ядерно-каскадного процесса в космических лучах. Про этих наших учёных можно сказать, что они с самим космосом на «ты»!

Тут же находится поэт Самуил Яковлевич Маршак в окружении своих маленьких читателей-почитателей. Сталинская премия присуждена Маршаку за его стихи для детей. Он старый знакомый жар-птицы. На его плече она чувствует себя, как дома.

А дальше художник изобразил двух скромных советских людей: Корабельникову Л. Г. и Кузнецова Ф. М. За что удостоены они Сталинской премии? Чем прославились? Они не писали стихов и не совершили научных открытий. Но зато у себя на фабрике они первые подняли знамя

соревнования и стали бороться за комплексную экономию сырья. Корабельникова и Кузнецов начали большое народное дело, и жар-птица тотчас же осенила их своим самоцветным крылом.

Теперь, читатель, пройдемся по второму ряду портретов.

Симпатичный товарищ с якорем в руках — это И. С. Исаков, руководитель работы по составлению советского «Морского атласа».

Морские деятели Великобритании — этой полинявшей «владычицы морей» — недовольно поморщились, узнав об издании советского «Морского атласа», а советские моряки, наоборот, обрадовались и сказали лауреату Исакову: — Так держаться!

Рядом с Исаковым вдохновенно «бряцает на лире» молодой композитор А. П. Скултэ. Он написал музыку к балету «Санта-свободы». Услышав её, жар-птица немедленно опустилась на плечо тов. Скултэ.

А бригадир маляров В. В. Скитев музыки не писал и к морской профессии никогда никакого отношения не имел. Но зато он окрашивал стены и потолки в новых домах для советских граждан в радостные небесно-морские тона.

Чуть повыше бригадира маляров лауреата Скитева наш художник поместил лауреатов-кинорежиссёра М. И. Ромма и писательницу Галину Николаеву.

М. И. Ромм в своей картине «Секретная миссия» вывел на чистую воду американских империалистов, которые

КИЙ ПАРАД

У МИКРОФИОНА
ЧЕХОСЛОВАКЦИЙ
ПАТРИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
«ДИКОБРАЗ»
— Природа
наделала меня
длинными уша-
ми. Я могу
идти далеко за пре-
делами моей ро-
дины. Зоологам
с Уолл-стрит
моё поведение
не очень нравит-
ся, и они бы
охотно со мной
разделались.
Но, как гово-
рится, и хочет-
ся и колется.
Передаю сло-
во Берлину.
(См. стр. 10.)

ещё в 1945 году по секрету занимались тем, чем они сейчас занимаются явно, то есть антисоветскими про-
сказками. А Галина Николаева, написав правдивый роман
о жизни советской колхозной деревни «Жатва», пожаловалась
богатый и заслуженный урожай признаний и благодарности
читателей.

Дальше идёт лауреат С. И. Исаев. Он не выводил на-
мистую воду империалистов, но зато вывел зимостойкие
сорта яблонь и тем прославился.

А вот академик Е. А. Чуданов — знаменитый создатель
теории автомобиля, получивший Сталинскую премию за
свой классический труд. Рядом с ним А. А. Липгарт —
конструктор красавца «эйма». Правильно сделал худож-
ник, поместив академика и конструктора рядом: у нас
теория и практика идут рука об руку.

Производственная практика вообще широко представ-
лена у нашего художника. Сразу же за конструктором
Липгартом идут молодцы-комбайнеры Головченко Г. Д. и
Варакин И. П. и молодцы-сталевары Тушканов П. Я. и
Сидельников Н. В. — мастера скоростной выплавки стали.
Жар-птица народной славы, как видите, кружит и над
полевыми просторами, залетает и в заводские цехи.

Третий ряд портретов на нашем рисунке открывает
также представитель производственной практики, токарь
Диков Ю. И. Он получил Сталинскую премию за внедрение
скоростных методов резания металла. Правильно, товарищ
Диков! Если резать, так уж резать быстро. Сейчас время
такое — ни в чём нельзя медлить и нигде нельзя отста-
вать!

Рядом с токарем Диковым стоит композитор Д. Б. Каба-
левский. Он написал оперу «Семья Тараса», за которую

и получил Сталинскую премию. Мы поздравляем тов. Ка-
балева... только не «От всего сердца» (эта опера нам
не по сердцу), а от всей души.

А кто этот человек, держащий в каждой руке по боль-
шой консервной банке? Это А. А. Зубрилин, автор научных
трудов «Силос» и «Научные основы консервирования
зелёных кормов». Четвероногие благодаря товарищу Зуб-
рилину будут теперь круглый год получать свежий зелё-
ный корм. От имени бессловесных: спасибо!

Дальше мы видим нашего прославленного дирижёра
Н. С. Голованова. Сталинская премия присуждена ему за
участие в создании спектакля «Хованщина» в Большом
театре СССР. Желаем товарищу Голованову дожить до...
трёхсотлетнего юбилея родного театра!

Ещё дальше (и чуть повыше), направо — наш друг и
соратник, художник-сатирик, крокодилец Борис Ефимов.
Его острый карандаш хорошо поработал в 1950 году,
немало поджигателей войны пригвоздил он к позорному
столбу в своих замечательных рисунках. Жар-птица славы
и голубь мира дружат теперь с художником-сатириком.
За альбом «За прочный мир, против поджигателей войны»
Борису Ефимову присуждена Сталинская премия.

К. А. Зубов, режиссёр Малого театра, отлично поставил
интересную патристическую пьесу Всеволода Вишневского
«Незабываемый 1919-й». За эту постановку он получил
Сталинскую премию. Вы легко его найдёте на рисунке,
потому что товарищ Зубов — лицо в нашем театральном
искусстве известное. Над ним как бы витает по воле
художника драматург А. П. Штейн. Он держит «Флаг
адмирала» — хорошую пьесу, за которую ему, Штейну, и

присуждена Сталинская премия. Будем надеяться, что
флаг боевого искусства и впредь будет развеваться над
драматургией Александра Штейна.

Первый в правом углу рисунка (в третьем ряду) — это
инженер Ковалёв Ф. Л. Он первым стал внедрять в произ-
водство в массовом масштабе стахановские методы работы
и тем прославил свою простую фамилию. Теперь все
советские производственники знают, что Ковалёв — это
успех и народная слава как следствие успеха.

За Ковалёвым идёт художник, академик Б. В. Иогансен,
один из старейших наших живописцев, один из «стаи
славных».

А рядом кузнец Коваленко Г. М. В отличие от своего
гоголевского собрата кузнеца Вакулы, оседлавшего чёрта,
советский кузнец Коваленко оседлал и усовершенствовал
технологии кузнечного производства.

В рамках — конструкторы шагающего экскаватора
«ЭШ-14/65» Сатовский Б. И., Исаев Т. Е. и Яценев Д. А.
Они тоже прославились в 1950 году, и про них действи-
тельно можно сказать, что они широко шагают.

Конечно, тут нарисованы далеко не все сталинские
лауреаты 1950 года. Если бы наш художник захотел
нарисовать всех, кого осенила народная слава, нам,
пожалуй, пришлось бы отдать ему под его зарисовки весь
годовой комплект журнала. Мы думаем, что не попавшие
в рисунок товарищи не обидятся на нас и вместе с дру-
гими славными нашими согражданами скажут словами
Владимира Владимировича Маяковского:

Пускай нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм!..

У кривой березы

ЕСЛИ вам доведётся бывать на Орловщине, то обязательно заезжайте в наше село Крутояр. Там старый и малый подтвердит вам эту историю. Да и побывать в Крутояре — одно удовольствие.

Ох, и на хорошем же месте стоит наше село! С высокого, крутого берега такие взору картины открываются, что сам Левитан ахнул бы от изумления!

Внизу, под селом, — речка, Бисер называется. Ну и речка! Светлая, чистая. А по берегам ивы да камыши, а в камышах утки. А если у вас будет время, выйдите вечером в парк, на берег Бисера, сядьте на скамейку, что у самого обрыва, и посмотрите вниз. Нет, недаром нашу речку Бисером прозвали! Когда из-за леса выплывет луна и заглянет в речку, — речка вроде уж и не речка, а настоящий бисер, сверкающий какими-то чудными переливчатыми струйками. А за речкой, за камышами, — орешник, густой-прегустой! А в орешнике соловьи заливаются. И куда курским соловьям до наших орловских!

Сидишь, смотришь, слушаешь и такое какое-то особенное чувство испытываешь, описать которое нет никакой возможности: слов таких хороших не найдёшь!

А вот там, за селом, где кончается спуск, есть мосточек через Бисер. И если, не переходя мосточек, свернуть влево и пойти по берегу, то вскоре увидите старую ветвистую кривую берёзу.

Многое перевидала на своём веку эта берёза! Смех счастливой любви и вздохи ожидания, первые робкие поцелуи и слёзы разлуки, едкую горечь ссор и светлую радость примирения — всё видала и слышала старая берёза, задумчиво склонившаяся над Бисером.

Вот у этой берёзы и произошло то, о чём я хочу рассказать.

Есть у нас в селе клуб. А клубом заведует Фёдор Павлович. Впрочем, какой он Фёдор Павлович! Его все больше Федей зовут, потому что ему всего-навсего двадцать три года. Но парень дельный, на все руки мастер: доклад ли сделать, на баяне ли сыграть, на сцене ли изобразить — всё умеет. И красивый. Недаром в него наш шеф влюбился. Шеф — это Ольга Николаевна, студентка из городского института. А институт, стало быть, шефствует над нашим селом по части культурных мероприятий. Заводилой шефства и явилась Ольга Николаевна. Так вот, эта Ольга Николаевна, то есть Оля, тоже из нашего села. Поэтому она с охотой и часто к нам наезжает и руководит вместе с Федей драматическим кружком в клубе.

На днях Оля приехала, чтобы помочь праздничный концерт организовать. А надо сказать, что сама Оля в институте хорошей актрисой слывёт и даже в какой-то вечерней драматической студии обучается.

Ну вот, идут они с Федей по парку и разговаривают.

— Ты понимаешь, — говорит Оля, — для того, чтобы передать всё то, чем живёт, что чувствует герой пьесы, от артиста требуется искусство перевоплощения... Мы сейчас изучаем систему Станиславского. О, как это интересно! Знаешь, именно Станиславский утвердил в работе актёра над ролью методы психологического реализма! Понимаешь? Ой, боюсь, что ничего ты не понимаешь! В центре его системы поставлен актёр, задача которого — создавать на сцене внутреннюю жизнь изображаемого лица и всей пьесы, приспособляя к этой чужой жизни свои собственные человеческие чувства, отдавая ей все органические элементы собственной души. Понимаешь? Ой, вижу, что опять ты ничего не понимаешь!

— Уж куда нам, деревенским, в калашный ряд! — ответил с обидой в голосе Федя.

— Нет, ты не сердись, а пойми. Вот ты, например, играешь роль... ну, скажем, Шмаги. Ты так должен воплотиться в чувства, в поступки, в характер, во внешний и духовный облик героя, что родная мать не должна тебя узнать. В этом и есть искусство перевоплощения. Понимаешь? Неужели и сейчас не понимаешь?

— Ну, ладно, валяй дальше. Раз шеф, — значит, поучай.

— Федюша, да ты не сердись.

— А ты не хвастай! Подумаешь, «психологический реализм», «перевоплощение», «родная мать чтоб не узнала»... А ты вот попробуй на деле докажи, перевоплотись, чтобы тебя родная мать не узнала!

— Ну хорошо, я тебе как-нибудь это докажу... Знаешь что? Сейчас пора в клуб, а завтра, если не будешь сердиться, мы

продолжим этот разговор. Приходи вечером к кривой берёзе. Ладно?

— А поцелуешь?

— Тише, ты, чудак, видишь, народ кругом.

— Да не сейчас, а завтра, у кривой берёзы, поцелуешь?

— Приходи, там видно будет.

* * *

Над Бисером спускались тихие синие сумерки. Только говорливая речка да свист утиных крыльев нарушали тишину. По берегу речки к кривой берёзе медленно брела старушка. Она опиралась на посошок, оглядывалась по сторонам и не особенно громко, не особенно тихо выкрикивала:

— Манька, Манька! И куда ты запропастилась, треклятая?

Когда старушка подошла к кривой берёзе, из прибрежного ивняка высунулась бородастая голова в старом картузе:

— Это ты, Арина Митревна? Опять козу свою потеряла? Только ты, ради бога, потише: теперь самый клёв ершовый начинается.

— Да ну тебя, Ерофеич, со своими ершами! — зло сказала старуха. — Маньку мою не видал?

— Нет, не встречалась.

— И куда же её унесла нелёгкая? Обязательно отвяжется и удерёт. Вот наказал меня господь на старости лет с этой козой!

— Говори, говорю, потише, рыбу пугаешь.

— Рыбу, рыбу! Да разве ёрш — рыба? И как тебе, Ерофеич, не надоест дурака валять со своими ершами?

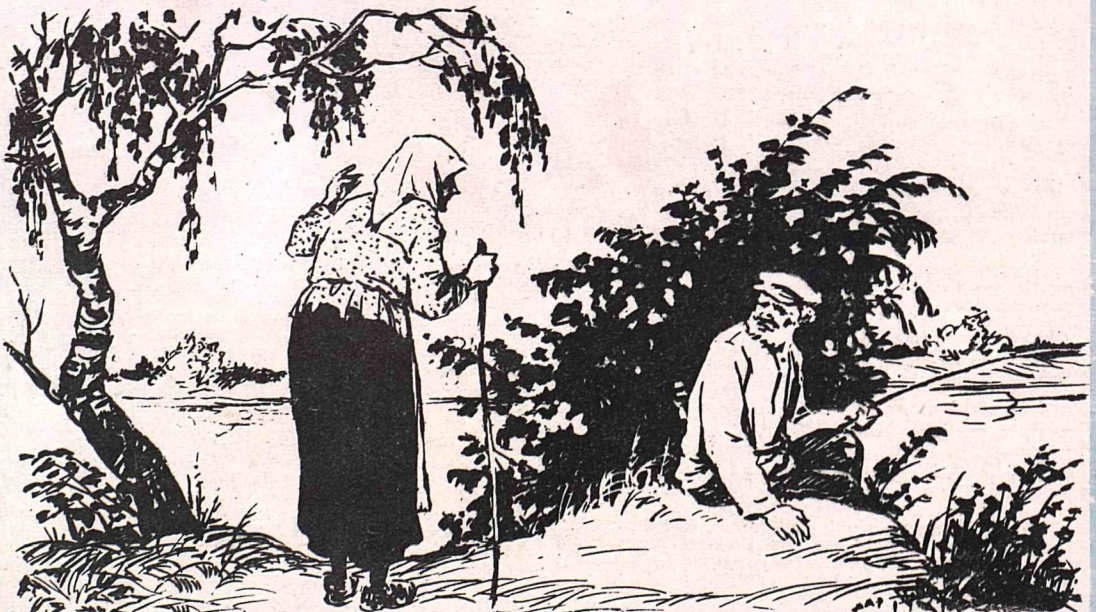
— Сама ты дура, коли на то пошло! Вот именно, дура, раз не понимаешь рыбацкой страсти и всего благолепия природы!

Если бы Ерофеич внимательно посмотрел на бабушку Арину, он бы заметил странное несоответствие между сердитым голосом и очень довольной улыбкой на лице старухи.

Улыбалась бабка неспроста, так как это была и не бабка вовсе, а студентка Оля. «Вот это да, — весело думала Оля, — раз уж Ерофеич никакой фальши не замечает, то Федя и подавно не заметит. Вот я и покажу ему искусство перевоплощения. Эх, только бы Ерофеич не помешал! Как только Федя придёт, я на него наброшусь: что ты обхаживаешь мою внучку, пустозвон ты этакий! Не пара она тебе, шалаболнику, ты и не думай!»

Олины размышления прервал чистый серебристый голос, раздавшийся за речкой, в орешнике:

Солнце низенько,
Вечер близенько,
Выйди до мене,
Моё серденько...

У МИКРОФОНА
НЕМЕЦКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ „ФРИШЕР
ВИНД“ (ГЕРМАН-
СКАЯ ДЕМОКРАТИ-
ЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИ-
КА)

— Моё на-
значение — вы-
ветривать из
всех щелей ос-
татки затхлого
фашистского
духа. Сквозня-
ки, которые я
устраиваю, ос-
вежают воздух.
Я дую вовсю
и в то же время
не бросаю слов
на ветер.

Передаю сло-
во Бухаресту.
(См. стр. 11.)

У МИКРОФОНА
РУМУНСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «УРЗИКА»
(КРАПИВА)

— Если вы перелистаете меня, то легко убедитесь, что я уделяю много внимания саботажникам и кулакам. Вы, наверное, со мной согласитесь, что „Крапива“ — для них самое подходящее место.
Передаю слово Будапешту.
(См. стр. 12.)

— Ой, и голос хорош! Слышь, Ерофеич? Кто это поёт?

— Эх ты, старая, аль не узнаёшь? Это же Галинка, агронома дочка, заливаётся, дружка подзывает.

— Какого такого дружка?

— Да ты что, с печки свалилась или твоя коза рогами память тебе повышибла? Все свадьбу ждут.

— Какую свадьбу, дурень ты старый?

— Тьфу, «какую, какую»! Известно, какую: Федюшка, клубный заведующий, на ней, на Галинке, значит, женится.

— Дедушка, родной, что ты говоришь?!

Эти слова Оля выкрикнула уже своим голосом и метеором подлетела к ивняку, где сидел Ерофеич.

— Дедушка, ты правду говоришь?.. Прости, что я тебя так разыграла. Это... Это я роль готовлю и хотела проверить себя. Ты узнаёшь меня?

Ерофеич смущённо глядел на девушку и теребил свою бороду:

— Гм... Гм... Вишь ты, дело какое. А я ведь и впрямь тебя за бабу Арину принял... А ты выходит Ольгунька, внучка её. Вишь ты, дело какое...

— Дедушка, так это правда насчёт... ну свадьбы этой?

— Да всё село, вишь, гуторит. И то сказать, что, почитай, каждый вечер Федька с Галинкой в орешнике гуляют, ну и здесь частенько, под берёзой, сиживали, я сам видал. Да вон посмотри, вихры-то федынкины в кустах мелькают.

— Где, где?

— Вот только сейчас видел, мелькнули в орешнике.

— Да как же это? Ведь он... Ах, он... Да что же это такое? Дедушка, ведь я... ведь он...

— Знаю, понимаю, милая. Жалко мне тебя, конечно. Но что же поделаешь? Так уж, видно, получилось: ты в городе, ну а Галинка тут рядом. Да и правду сказать, красивая она, Галинка-то... Значит, вот какое дело несуразное получается. Гм... Ну, а ты, Ольга Фёдоровна, стало быть, в спектакле будешь у нас играть на праздниках?

Оля посмотрела на орешник, на переливчатые, журчащие струйки Бисера, потом со злостью бросила в речку посошок, выпрямилась и громко, явно желая, чтобы её было слышно и за речкой, сказала:

— Нет, дедушка, не буду я выступать в вашем клубе, я завтра же утром в город уезжаю. До свиданья, дедушка.

— До свиданья, коли так, ни пуха тебе, ни пера.

А за речкой тот же чистый и звонкий голос снова запел:

Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки;
Позарастали мохом-травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

Оля до боли прикусила нижнюю губу. На глазах у неё показались слёзы.

— Да, вишь ты, дело-то какое, — нерешительно пробормотал Ерофеич, вылезая из ивняка. — Стало быть, девонька, ты не шутя в Федюшку-то вторилась? А?

— Ой, горько, обидно мне, дедушка! Я так его любила, так ему верила!..

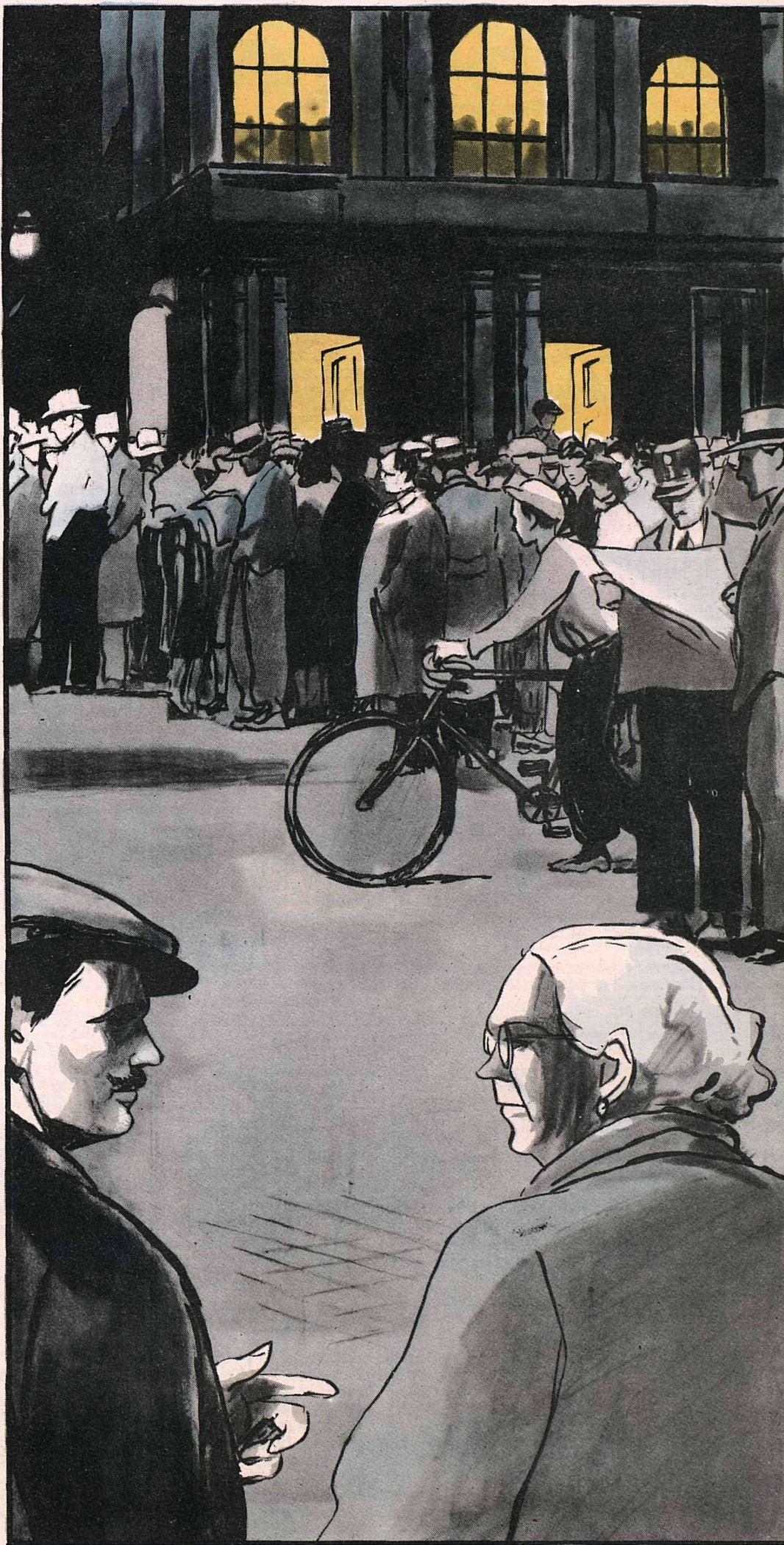
— Вишь ты! Да неужто?

С этими словами Ерофеич схватил Олю в охапку, приподнял и, не дав ей опомниться, звонко поцеловал, потом поставил снова на ноги, левой рукой сбросил картуз вместе с париком, а правой рукой сорвал с себя бороду.

— Федюша? Ты? Дурак!.. Милый!.. Вредный!.. Хороший мой!.. Любимый!..

— Вот тебе, Оленька, и искусство перевоплощения. Поняла? Ой, боюсь, что ничего ты не поняла!..

До первых петухов просидели они в эту ночь. А что они говорили друг другу, — об этом знает только старая кривая берёза, полувековая хранительница сердечных тайн, да неумолчно журчащая речка Бисер. А о чём она журчит, о чём рассказывает прибрежным ивам да камышам, поди-ка, догадайся.

— Какая огромная толпа! Что сегодня идёт!
— Идёт сбор подписей за Пакт Мира!

— Поздравляем вас, Леночка, со стосемидесятипятилетием!

М О Д Е Л Ь

У МИКРОФОНА
ВЕНГЕРСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ "ЛУДАШ
МАТИ"

— Очень долго я жил в сказках венгерского народа и слыл балагуром и весельчаком. Но теперь сказки становятся былью. И я, Лудаш Мати, больше не миф. Правда, некоторые люди предпочли бы видеть меня снова в сказках. Но сие от них не зависит! Передаю слово Тиране.
(См. стр. 13.)

ТАК и знал: опять меня избрали в первомайскую комиссию.

— Может, на этот раз доверите мне участок детского досуга, что ли? — с тайной надеждой спросил я Акима Ивановича, председателя завкома.

Аким Иванович даже рассердился:

— Брось эти настроения! Как лежало, так и будет лежать на тебе оформление колонны. Сам знаешь, надо показать характер нашего производства и его значение. Чтоб внушительно было! Чтоб красочно было! Чтоб ярко было!

Сами понимаете, каково мне это слышать, если завод наш с нынешнего года перешёл на производство гигантских экскаваторов. Попробуйте-ка соорудить для колонны образцы продукции, да чтобы можно было их повыше поднять! Трудная задача.

Иду в модельный цех, к Вострикову:

— Давай, Востриков, сядем и подумаем с тобой: как нам сделать нашу железную машину килограммов этак на шесть, на семь?

— Надо посоветоваться с конструкторами, — говорит Востриков. — Они лауреаты. Они что хочешь придумают.

Не прошло и полчаса, как нагоняет меня в цехе Аким Иванович и давай воспитывать при всём честном народе:

— Ты у меня смотри, не сорви оформленье! Уже сделал что-нибудь практическое?

— Да ведь всего полчаса прошло, Аким Иванович, — несмело оправдываюсь я. А он будто бы того и ждал.

— За полчаса, — говорит, — молодой бамбук — и тот верхка на два, кажется, вырастает. А ты руководитель всё-таки! Так как же насчёт моделей?

— Насчёт моделей пока плоховато, — говорю. — Надо с конструкторами посоветоваться. Они лауреаты. Они что хочешь придумают! Пусть завком не беспокоится. Модели будут: и внушительные, и яркие, и красочные. Вот сейчас пойду к конструкторам.

— Скажи им, — напутствует меня Аким Иванович, — чтоб громоздких конструкций не делали. Но чтоб видно было, что это

вещь, а не игрушка. Пусть дадут масштаб и величие.

Пошёл я к конструкторам и быстро обо всём договорился. Полная ясность. И внушительно, и ярко, и красочно. И не громоздко. Алексей Петрович, главный конструктор, потирает руки и говорит:

— Можете заверить заводской комитет, что модель будет на уровне. Вложим соответствующую идею. И величие тоже дадим.

Я заверил заводской комитет. В общих чертах описал Акиму Ивановичу конструкцию модели. Тот не особенно любит хвалить людей и сказал только одно:

— Толково.

И вот мы вышли на демонстрацию. Колонна у нас тысяч на восемь.

Впереди несут знамёна и эмблему. А за эмблемой плывёт в золотистых майских лучах наша модель. Белая, лёгкая и вместе с тем внушительная и величавая. Спокойно и гордо парит над красными стягами рабочей колонны мирная голубка!

М. ШУР

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Они свободно могут запретить распространение прогрессивных изданий.

Свободно могут сжигать произведения прогрессивных писателей.

Свободно могут разгромить редакцию прогрессивной газеты.

И совершенно свободно лгут о свободе печати.

— На этом мы кончаем нашу праздничную радиопередачку. Ваши пожелания шлите... Впрочем, что всем нам можно пожелать? Быть ещё зубастее... Пусть сильнее дует свежий ветер. Огнём жжёт крапива. И иглы, и пики, и булавки метче поражают цель. И наконец — побольше перца в наших выступлениях.
С Первым мая, друзья!

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Шведская газета «Афтонбладет» сообщает, что в местечке Рюссбю на потолке местной церкви готовится роспись, изображающая взрыв атомной бомбы. Картина называется «Страшный суд».

Храм созывает своих прихожан
После ремонта,—
Знать, колокольный по всем этажам
Слышится звон-то!
Вышел на улицу мирный народ,
К храму идёт,
Жаждет в святое вступить помещение
Для отпущения...

В росписях видит он новые тут
Страсти-мордасти.
Здесь нарисован не страшный ли суд?
Что за напасти!
Жуткий под куполом атомный взрыв...
Гнева не скрыв,
К дому мирянин бежит, восклицая:
«Дева святая!»

Следом за ним поспешает другой
К выходу прямо,
Твёрдо решив с этих пор ни ногой
В сторону храма:
Коль уж всевышний, возжаждав калек,
К бомбе прибеж,
Значит, фантазия стала у бога
Слишком убога!

Прячут миряне испуганный взгляд
В тёмном притворе,
Смотрит вослед уходящим аббат
С грустью во взоре.
Древний сюжет на новейший фасон
Кем сочинён?
Пишут в Америке, пишут и в Англии
Это «евангелье»...

Чтоб от войны потекли барыши
Реками к ним бы,
Янки велят живописцу: «Пиши
Долларов нимбы!
Ангелов с бомбовым грузом в руках —
На куполах,
А в алтарях пусть творят богомазы
Авиабазы!»

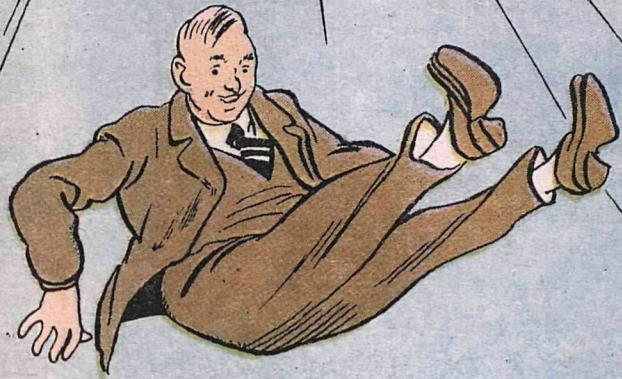
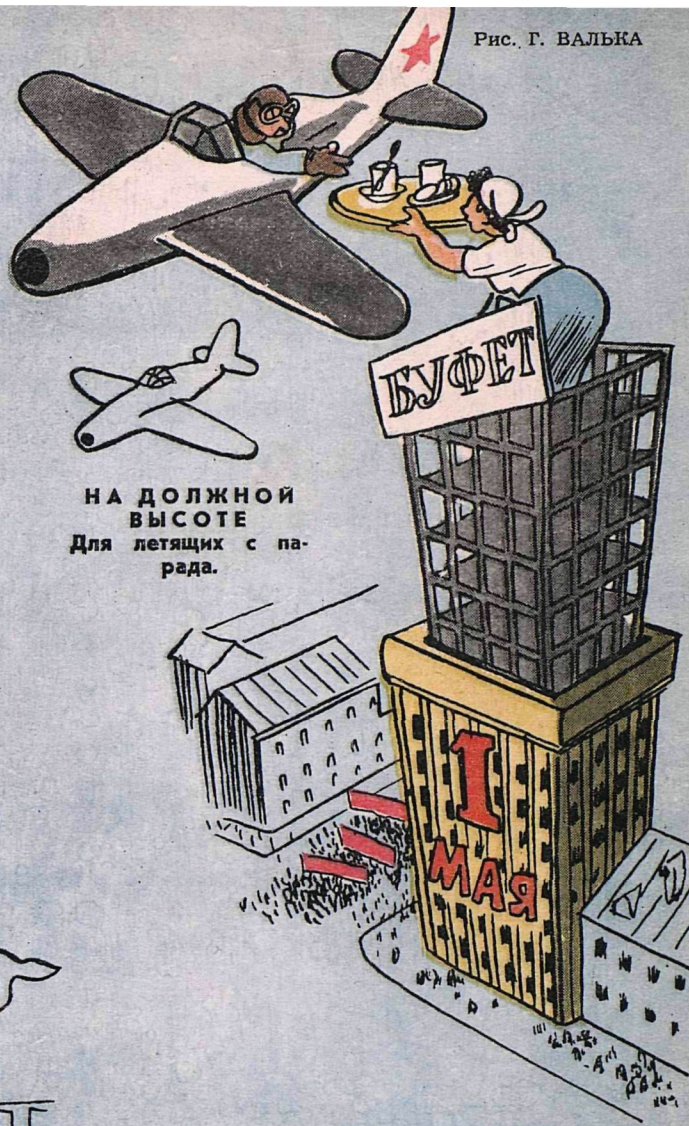
В «Страшном суде», намалёванном тут,
Много ли прока?
Есть на земле человеческий суд,
Он недалёко!
Пусть не мечтают упрятать дельцы
В воду концы.
Надо сказать: лишены основания
Эти мечтания!

Весенняя СМЕСЬ

**В ДНИ ШАХМАТНОГО
МАТЧА**
— Какой ты номер набираешь?
— Как какой! Е2 — Е4!

**НА ДОЛЖНОЙ
ВЫСОТЕ**
Для летящих с парада.

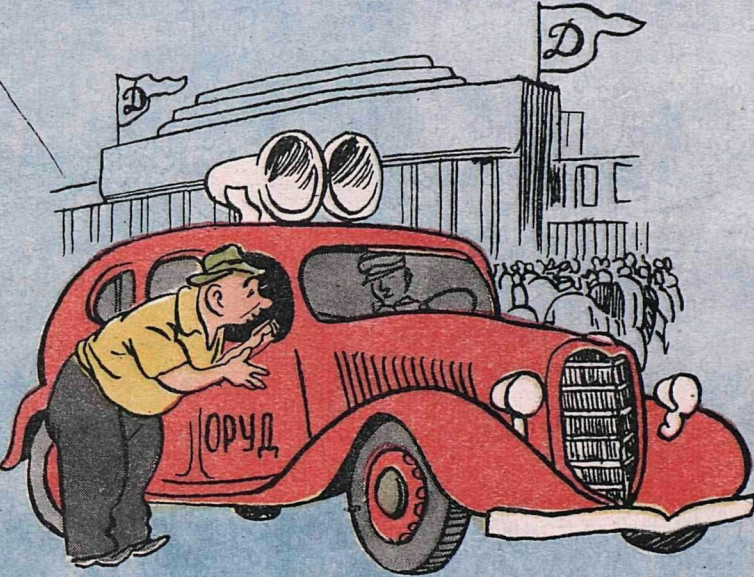

**ПРАЗДНИЧНЫЕ
ПОДАРКИ**

Муж — жене.

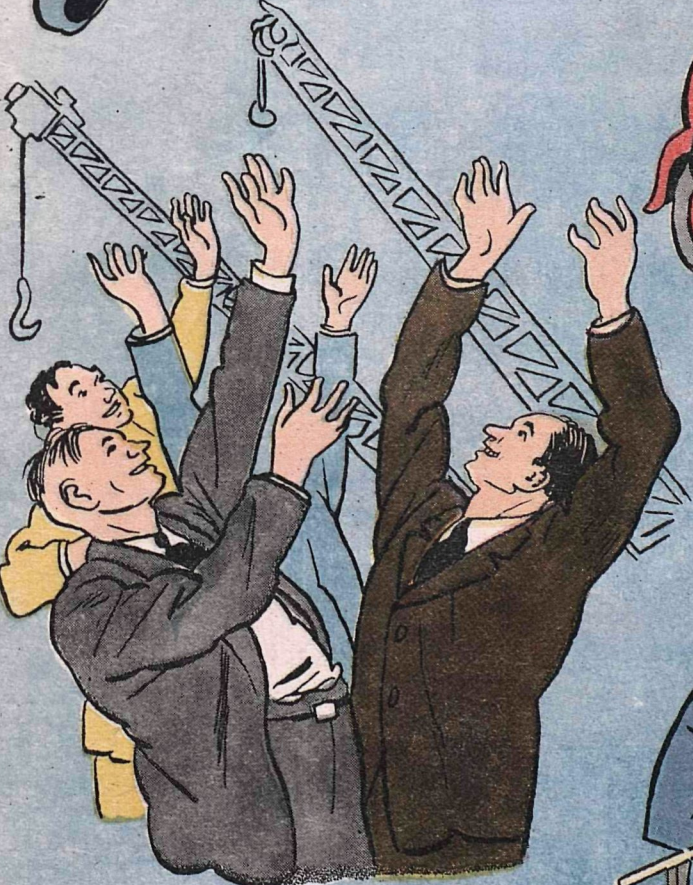
2 МАЯ У СТАДИОНА «ДИНАМО»
— Будьте добры, спросите через микрофон, нет ли у кого лишнего билета.

— Ничего не понимаю! Ведь я сюда пускал мальков!..

Жена — мужу.

— Смотри, качают ручным способом!
— Да, это единственный процесс, который у нас на строительстве не механизирован!

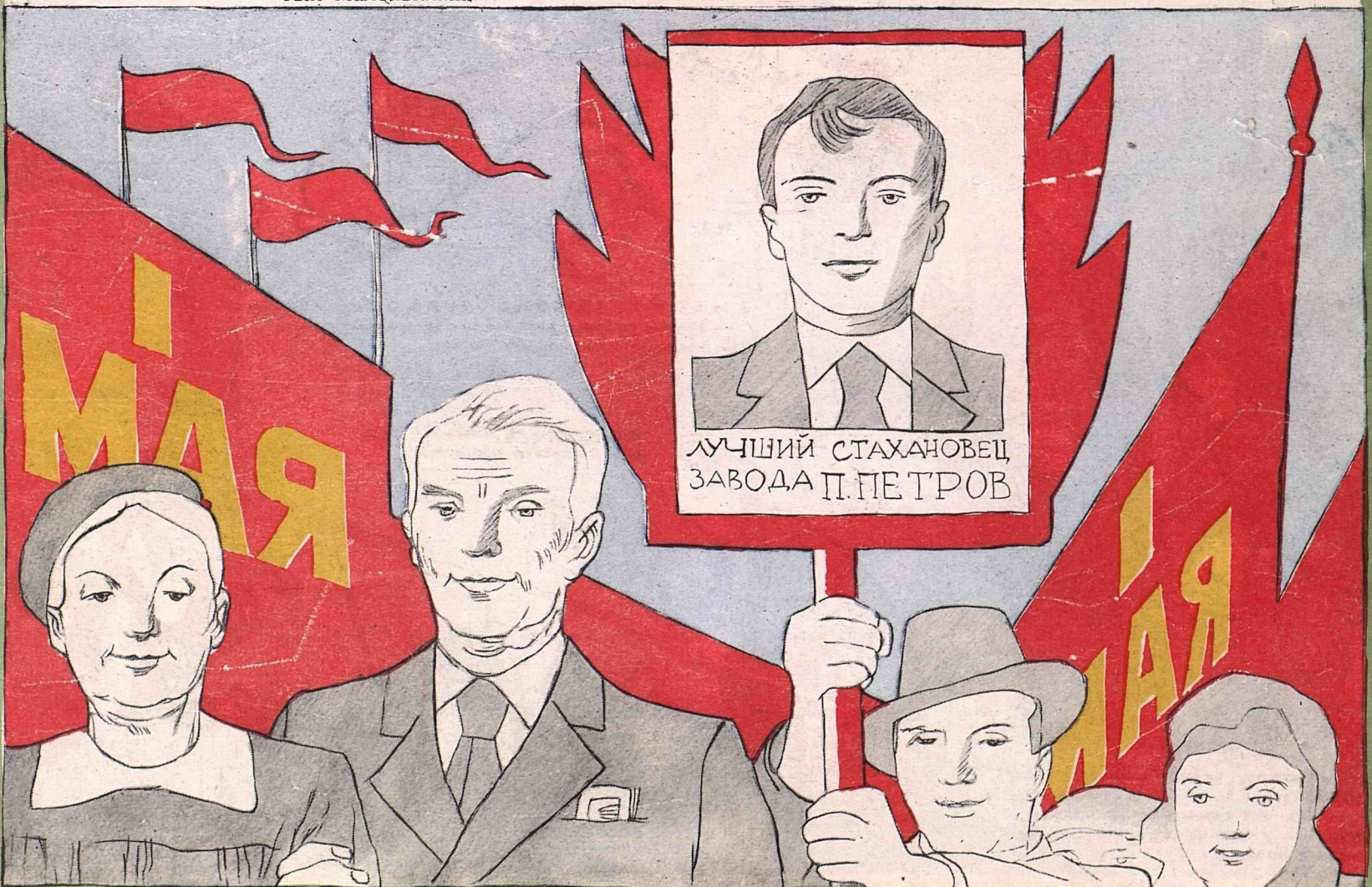
Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИАНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.
Москва. Изд. № 210. Подписано к печати 21/IV 1951 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А — 01395. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1085 Тираж 300 000 экз.

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экземп. л.
1951 г.

Когда-то его носили на Первомайской демонстрации, потому что он был маленьким...

...А теперь носят потому, что он стал большим человеком.